

Левидов Михаил Юльевич

**Чья рука? Убийство Нэтте.
Очерки жизни и деятельности
погибших за границей
дипломатических представителей
СССР**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-3
ББК 84-4
М69

М69 **Михаил Юльевич Л.**
Чья рука? Убийство Нэтте. Очерки жизни и деятельности погибших за границей дипломатических представителей СССР / Левидов Михаил Юльевич – М.: Книга по Требованию, 2024. – 68 с.

ISBN 978-5-519-92787-1

ISBN 978-5-519-92787-1

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2024
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2024

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг — не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель — вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания — решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

I. Зимнее утро в вагоне.

В половине шестого утра 5 февраля 1926 года в поезде, шедшем из Зелупы ¹⁾ в Ригу, несколько минут после того, как этот поезд покинул станцию Икскюль и находился на расстоянии 28 километров от Риги, произошло чрезвычайное событие. В половине шестого утра 5 февраля 1926 года в вагоне второго класса несущегося поезда прозвучало несколько револьверных выстрелов. Стрельба продолжалась короткое время—минуту, две. Трудно установить точное число выстрелов, но, повидимому, не менее 6—7 раз разряжались револьверы. Потом была тишина: томительная и мрачная тишина после перестрелки. Она длилась недолго, быть может те же 2—3 минуты. Мимо дверей купэ, соседнего с тем, где разыгралась короткая драма перестрелки, протащились, волоча ноги и шатаясь, две черных тени: они были видны через приоткрытую дверь купэ. И затем из того конца вагона, куда протащились, волоча

¹⁾ Пограничная станция на советско-литовской границе.

поги и шатаясь, две черные тени, снова раздались револьверные выстрелы (два, может быть, три). И снова тишина, и снова мчащийся поезд. Поезд мчится под ровный стук колес, но этот спокойный, убаюкивающий стук пререзывается теперь тихими тревожными стонами, доносящимися еле слышно, но все же слышно в купэ, расположенном рядом с тем, в котором прозвучало несколько минут тому назад 6—8 выстрелов.

Еще несколько километров, поезд медленно замедляет свой ход, последний толчок, лязг буферов, короткий, отрывистый свисток,— поезд стоит.

Паника. Возгласы. Коридор вагона заполняется тревожно спешащими, пробегающими взад и вперед людьми. Момент—и двери всех купэ открыты настежь, и население вагона тревожно столкнулось у дверей купэ № 4. Узкий коридор купэ был залит кровью, только что пролитой. В узком коридоре купэ лежал труп, ногами к выходу, труп в ночном белье. Этот труп лежал не на полу, а на другом человеческом теле. Могло бы казаться, что и это второе человеческое тело—тоже труп, но так казалось лишь несколько секунд. Тот, на котором лежал труп, был жив: он медленно стонал,— это было в купэ № 4. Тот, кто лежал под трупом, был освобожден, с помощью вбсжавших в купэ, от своей тяжелой ноши. Казалось, он истекал кровью, но едва он успел отдать несколько коротких приказаний, едва были перевязаны попавшимися под руки полотенцем и платками его раны, как он, выйдя из купэ, направился по коридору в конец вагона, следуя по пути кровавых

пятен, еще не успевших высохнуть, кое-где образовавшихся кровавые сгустки. Следуя по пути кровавых пятен, он дошел до последнего купе—купе проводника вагона; дверь в купе была широко открыта. Он вошел в купе. Прямо перед ним на диване сидели, казалось издали, два человека. Но это были только два трупа. Они были в черных пакидках-пальто, головы их свисали, наклоненные вниз. Рядом на диване купе валялись две черных маски, два портфеля, два револьвера. Пятна крови пестрели на полу и покрывали столлик у дивана. Вошедший в купе посмотрел на них.

«Это—они, сказал он тихо,— мы с Нэтте хорошо их проучили».

* * *

Тот, кто сказал эти слова, такие простые и так много говорящие, был Махмасталь, дипломатический курьер советской республики, член Всесоюзной коммунистической партии. Тот, от чьего трупа он был освобожден, был Нэтте, такой же, как Махмасталь, дипломатический курьер советской республики, также член Всесоюзной коммунистической партии. Трупы, сидевшие в вагоне проводника, были трупами Аптона и Бронислава Габриловичей, совершивших нападение на Махмасталь и Нэтте, дипкурьеров советских республик, везших с собой дипломатическую почту. Нэтте и Махмасталь «подлинно проучили» Габриловичей. Габриловичи предполагали, когда они ворвались в купе дипкурьеров, найти их спящими, беззащитными, рассчитывали убить их

во сне или, разбудив выстрелами, воспользоваться паническим испугом, на который они рассчитывали, и похитить почту. Но было не так. После первого же выстрела одного из Габриловичей—мы не знаем, кто стрелял первый, Антон или Броислав, и это узнать уже не придется—нападавшие встретили бешеный отпор. Первый же выстрел одного из Габриловичей смертельно ранил Нэтте, лежавшего на верхней полке, но в тот же момент, когда спускался курок, направленный на Нэтте, пуля из револьвера Нэтте успела поразить одного из нападавших. И с последовавшими выстрелами нападавших слились выстрелы Махмасталя, успевшего в этот короткий момент, измерявшийся секундами, переменить обойму в своем револьвере и пустить несколько пуль в Габриловичей. Истекая кровью, Габриловичи протаскились через коридор к своему логовищу, к купе проводника. Там их постигла смерть: убил ли один из Габриловичей другого, а потом себя, или убил их кто-то третий, мы не знаем: объективное медицинское следствие говорит, что более вероятным является последнее. Махмасталь, разрядив свой револьвер, тяжело раненый, остался придавленным упавшим с верхней полки трупом Нэтте.

* * *

Таковы факты февральского утра, происшедшие в поезде, направлявшемся в Ригу, в половине шестого утра, на перегоне Икскуль—Рига. Этим фактам предшествовало короткое введение. Мы еще не знаем, мы мо-

жем только догадываться, какова была длинная история, которая предшествовала короткому введению. Первый момент этого введения имел место за две недели до фактов февральского утра. Он имел место 22 января в крестьянской усадьбе, вблизи маленького литовского городка Янишки. Один из братьев Габриловичей (это был младший, Бронислав) писал письмо, письмо, оставшееся неотправленным и найденное в этой усадьбе среди вещей Габриловичей.

«Милый Геня, — говорило это письмо, — вот видишь, я уезжаю на гибель. Теперь ты наверное знаешь, на какую границу мы ехали. Нам было неприятно пойти на такую операцию. Но, что делать, другого исхода не было, спекуляцией почти ничего нельзя было заработать. Ты знаешь, что найти занятие весьма трудно, без денег с ума сойти можно. Человек становится хуже зверя... Кроме меня и Антона об этом никто не знает». Письмо было подписано — «Броня» (Бронислав).

Затем, за этим введением, последовал перерыв. Следующий факт относится к 3 февраля. 3 февраля в 9 часов вечера прибыли в Ригу братья Антоп и Бронислав Габриловичи. В ту же ночь, в 12 часов 35 минут, они отбыли на станцию Скривери, недалеко от Риги. И утром 4 февраля они вернулись в Ригу. Целый день они провели в Риге у своего родственника, железнодорожного посыльщика Захара Козлова, жене которого они заявили, что прибыли из Литвы. Днем они спали: было видно, что они провели бессонную ночь.

И вот следующий факт из этого короткого введения. В 12 часов ночи с 4 на 5 февраля братья Габриловичи в сопровождении еще троих лиц сидели в буфете на Рижском вокзале. Эти пятеро сидели за отдельным столом в углу зала, они переговаривались вполголоса короткими, отрывистыми фразами, так, как переговариваются люди, связанные общим делом, о котором больше не нужно спорить, а которое нужно лишь выполнять. Кто-то из них спросил буфетного кельнера, когда, в котором часу точно прибывает утренний пассажирский поезд из Москвы. Они спросили один раз и, словно не удовлетворившись ответом, спросили о том же еще раз. Они получили свой ответ и ушли. Мы не знаем, куда ушли все пятеро, но знаем, что двое из них, Антон и Бронислав Габриловичи,—а может быть, и трое,—сели в поезд, шедший навстречу своей «добыче». Всего 52 километра проехали в поезде Антон и Бронислав Габриловичи. В 2 часа 12 минут почти они слезли на станции Рембате. Может быть, они сидели в вокзальных комнатах, может быть, они нетерпеливо и молча шагали по пустынной платформе, плохо защищенные в своих черных накидках-пальто от резкого февральского ночного ветра, нетерпеливо вглядываясь в мрачную ночную даль, из которой должен был появиться в бледном туманном свете февральского рассвета московский поезд. Они нетерпеливо ждали, думая... О чем? О том, что «другого исхода не было»? О том, что «без денег с ума сойти можно»? Или о тех людях, которые предложили им «исход»? Вряд ли они,

наемные убийцы, думали о тех, кого им было приказано убить, у кого им было приказано отнять небольшой пакет, запечатанный дипломатической печатью Союза советских республик. И быть может,—мы этого не знаем — они проклинали тех людей и ту организацию, которая купила их, купила на грабеж, на убийство. Быть может они недоумевали, а быть может и знали, какая преступная цель побуждает эту организацию произвести через посредство их — Габриловичей — нападение на советских курьеров. Этого мы не знаем: братья Габриловичи рассказать ничего не могут.

Они ждали два с лишним часа. Показался поезд из Москвы. На этой маленькой станции он стоял паверное недолго, 2—3 минуты, и в 4 часа 45 минут он двинулся дальше. Но этих двух-трех минут было, конечно, достаточно, чтобы братья Габриловичи успели сесть в вагон третьего класса. 24 минуты они пробыли в вагоне третьего класса, их видели там до станции Орге, куда поезд прибывает в 5 часов 9 минут. На следующем коротком перегоне — перегоне Орге-Икскюль, — это всего 7 километров, их не было видно в вагоне третьего класса, они, повидимому, перешли в следующий вагон, ближе к тому, где разыгрались события февральского утра. И на станции Икскюль они совершили, повидимому, последнее свое путешествие, перейдя из ближайшего вагона в тот вагон, где находились советские дипкурьеры.

Таков короткий и многозначительный пролог. Этот пролог говорит только о двух, но, быть может, с этими

двумя братьями Габриловичами был и третий, тот третий, который пристрелил их, не достигших цели, погубивших дело и опасных теперь уже не для Нэтте, Махмасталя и советской дипломатической почты, а для него, для этого третьего или четвертого, для тех далеких, кто скрывался за ними. Быть может, говорим мы, этот третий сопутствовал им в их мрачном ночном путешествии, в их тягостном ночном ожидании на платформе Рембате, в их поспешных переходах из вагона в вагон — ближе к добыче, и наконец, в самом вагоне. Быть может, этот третий пристрелил их, и, быть может, это он, выйдя на площадку, выбросил на железнодорожный путь окровавленный паспорт, тот паспорт, который найден был затем на железнодорожном пути, в районе станции Икскюль, паспорт, выданный на имя литовского гражданина Бронислава Габриловича. Но этот факт, факт выброшенного паспорта, относится уже не к прологу, а к самой драме, которая войдет в историю наших дней под названием: «Вооруженное нападение в Латвии на советских дипкурьеров с целью отнятия дипломатической почты».

Аналогичные драмы знает история. История знакома с драмами нападения и убийства, жертвами которых были курьеры и посланцы революционных стран, покинувшие свою страну революции и находившиеся на чужой территории. Вспомним вкратце о некоторых из этих драм.

II. Немного истории.

«Помогайте угнетенным, внимайте стонам бедных людей, томящихся в тюрьмах, соглашайтесь на реформу для искоренения злоупотреблений всяких званий; и если есть такое, которое разоряет многих для того, чтобы обогатить только некоторых, то это неприлично для республики». Так писал 4 сентября 1650 года Оливер Кромвель, вождь английской буржуазной революции английскому парламенту.

В 1648 году английская революция сняла корону с головы бывшего короля Карла I. А затем сняла и самую голову. Король был судим, осужден и казнен. Была провозглашена республика. И этот момент явился началом бурного нарастания бешеной контр-революционной волны. Контр-революционная волна затопила Шотландию, где дворянство и знать сумели мобилизовать английское «казачество» той эпохи, шотландских мелких землевладельцев, боявшихся за свои земли и за свои привилегии; эта волна поднялась высоко и в Ирландии. Всплески этой волны наблюдались в Англии, где то и дело открывались и разрушались заговоры роялистов. У контр-революции было знамя и был лозунг. Этим знаменем и лозунгом являлся сын казнённого короля, Карл II, немедленно после казни короля «провозглашённый» королем Англии и Шотландии. Карл II находился в то время за границей в столице Голландии—Гааге. Волна контр-революции, поднявшая-

ся в трех странах, была на самом деле волной: она шла с моря, окружающего английские острова, она шла оттуда с европейских берегов; ибо, как только весть о казни короля Карла, первого короля в новой истории, удостоившегося исторической чести быть казненным победоносным народом революции,—как только эта весть облетела Европу, немедленным отзвуком со стороны феодально-монархической Европы явилась идея блокады, интервенции и войны. Блокады, интервенции, войны против нечестивой нации, осмелившейся нарушить «божеский и человеческий закон» и посягнуть на помазанника божьего. Феодально-монархическая Европа задрожала от ужаса и злобы. Второй из Романовых, русский царь Алексей Михайлович, по прозвищу—«Тихайший», как он ни был тих и недалек, все же понял, что «революционная зараза» (тогда впервые появился этот знакомый нам термин) таит в себе опасность: Алексей Михайлович распорядился удалить из России всех английских купцов «за то,—говорит летопись,—что они короля своего Карлуса смертью казнили». Романов был не одинок в своем ужасе и злобе: при провозглашении республики после казни Карла посланник французского короля Людовика XIV покинул в знак протеста Лондон. И наконец, Голландия, эта наиболее империалистическая держава XVII века, британская империя той эпохи, боявшаяся усиления революционной Англии как молодого и сильного конкурента в борьбе за заморскую торговлю, отзывалась на казнь короля и провозглашение республики, как на сигнал